

130 лет со дня рождения Сергея Есенина

Рис. Полины
Ольденбурга

эссе

Красивые

Тамара
Свинцова

Всегда правы!

...В ДЕТСТВЕ, после первой встречи со стихами Есенина, я решила, что непременно должна узнать о жизни этого необыкновенного поэта – и стала ловить в магазинах и библиотеках книги о нём. Мне встретилась книга Юрия Прокушева о Есенине.

Но, прочитав её, я была разочарована какой-то недосказанностью этой биографии. Что-то осталось за пределами страниц, жизнь поэта казалась тайной за семью печатями. Это был ручей повествования из какой-то дистиллированной воды. Почему автор больше скрыл, чем рассказал? В чём причина этого умолчания?

Прошло много лет, прежде чем я по зёрнышку, как бисерный узор, собрала воспоминания о поэте его современников, статьи поэтов и прозаиков, любящих стихи Есенина. Что-то стало проясняться в этом заговоре молчания, которым он был окружён. Я поняла, что все мы живём и исполняем свою роль, ограждённые временем, которое крепко держит нас, не выпуская за свои пределы. И такой свободолюбивый, непокорный чужой воле поэт был вынужден оставаться сыном своего времени – такого бурного, жестокого, непонятного:

**Не знали вы, что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несёт нас рок событий.**

– и одновременно сыном своей родины накануне революционного шторма, да и на самом его пике:

Лицом к лицу
Лица не увидеть,
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.
И кто из нас на палубе большой
не падал, не блевал и не ругался.
Их мало с опытной душой,
кто крепким в качке оставался.

Сергей Есенин в этой немислимой обстановке пел свои песни-стихи и был подобен жаворонку, раздавленному жерновами революции.

132

Конечно, какие бы воспоминания я ни читала, все дружно писали о его крестьянском происхождении и пожизненной любви к «золотой бревенчатой избе». Правда, он был не из бедного, как первоначально внушалось нам, а из зажиточного слоя крестьянства, притом, умудрённого книжностью. Дед его имел несколько барж, которые колесили по Волге и приносили ему солидную прибыль. Только деньги не держались в его руках – он возвращался с холодами домой и кормил и поил не только близких, но угощал и целую улицу, пока не заканчивалось его временное богатство. Но, главное, в доме у бабушки Титова жили книги.

Бабушка с ранних лет водила Сергея в церковь и сумела воспитать в нём религиозность, которая нашла отражение в его юных стихах. Его христианство стало мостиком, который соединял

безбожную современную жизнь с язычеством. А язычество было кругом – в поле, в лесу, в ручьях, в реке, в народном плаче... В его стихах потом ожил свет витражей деревенской церквушки и даже деревья теплились, как свечи...

Пришло время, и советская власть, беспощадно сражавшаяся с религией, заставила его перебороть в себе эту пестуемую им веру и превратить её в нечто сказочное, мифическое.

«Я просил бы читателей относиться ко всем моим Иисусам, Божьим матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии», – напишет он позже.

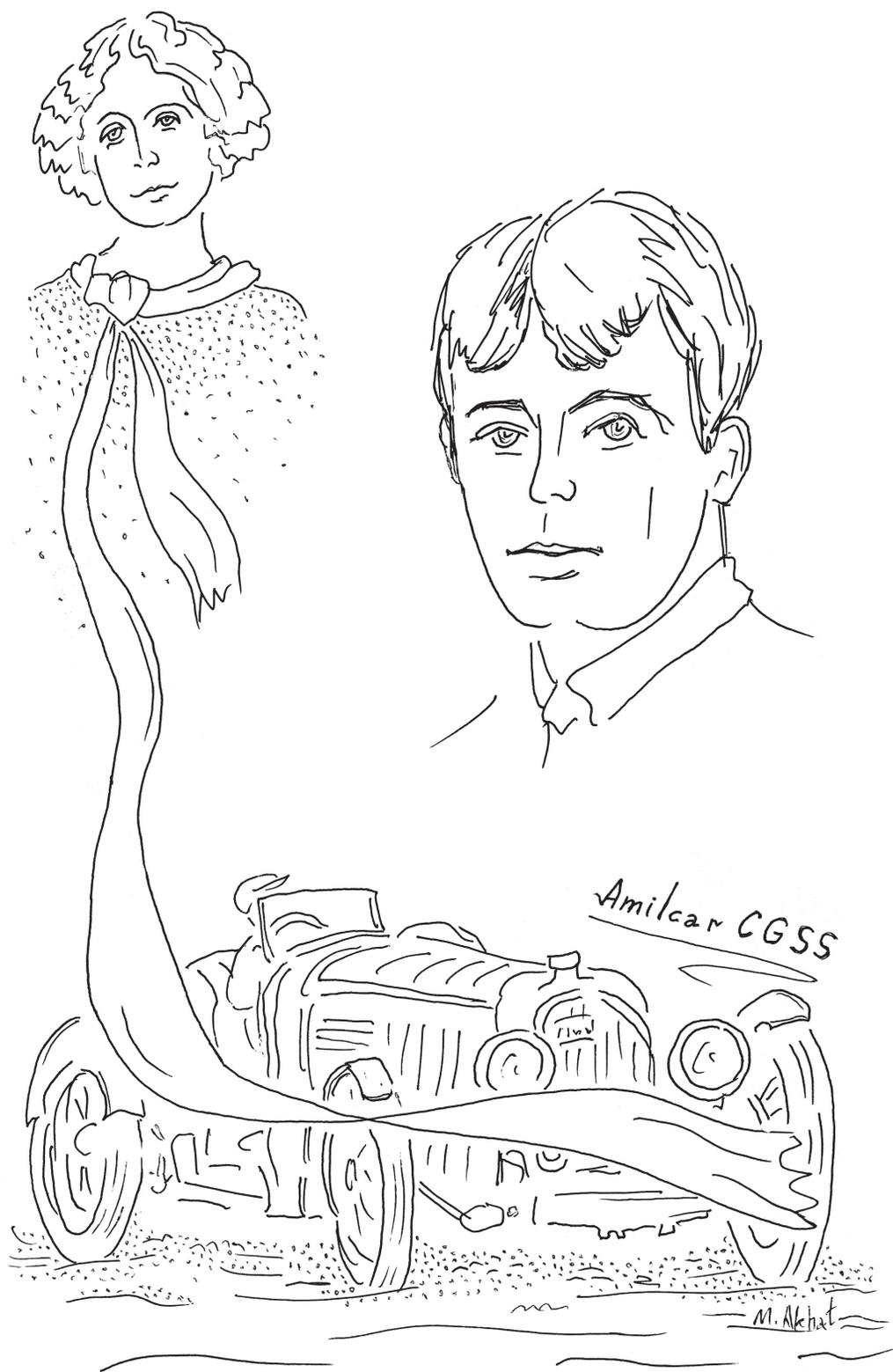
В конце концов, его религия очень окрестьянилась – в ней, действительно, было много от русской сказки. «Всё равно останусь я поэтом золотой бревенчатой избы...» Золотая бревенчатая изба – вот храм Есенина, его религия.

И всё же Есенин, православный в своей поэзии и в своей жизни, мог бы называться солнцепоклонником. Ярило – его Бог, которого он называет Христом. Недаром столько золотого цвета в его стихах! И голубого неба! С язычеством переплетено его деревенское христианство. И слово *христианин* так созвучно слову *крестьянин*.

Но как бы ни оправдывал он свою религиозность, она не была навязанной. Это не было модничаньем. Он вырос в этой среде, пронизанной церковным христианством – безусловно,

Галина Свинцова родилась в Казани. В 17 лет участвовала в поэтическом конкурсе, посвященном юбилею М. Джалиля, и получила I премию. В том же году выиграла литературный конкурс «Наш город». Окончила филологический факультет Казанского университета, преподавала русский язык и литературу, работала на радио и телевидении. С 1992 по 2009 год жила в Праге. В 2010-м вернулась в Казань и Москву. В Праге вышли её книги стихов «Свидание с Прагой», «Прага и ночь», «Разговор с декабрём», книга эссе «Это мы не проходили», повесть «Робертино Лоретти, или Время любить». Лауреат поэтического конкурса «Росзарубежцентра» и «Литературной газеты» (2005). Переводчик венгерских, польских, татарских, белорусских, чешских поэтов. В содружестве с композиторами автор ряда песен.

православной верой с её обрядами и праздниками. Этим Есенин сродни писателю Ивану Шмелёву, автору великого романа «Лето Господне», который выдвигался на Нобелевскую премию по литературе в 1931 году.

* * *

И постепенно в моём воображении стал вырисовываться свой образ поэта, так любимого моими современницами. Даже царевны, совсем как в сказке, были очарованы его русской красотой и таким живым земным талантом. Деревенский Иванушка на Коньке-Горбунке влетел в их дворец в Царском Селе и стал почти гипнотизировать царевен своими колдовскими стихами и своим былинным обликом. А во время первой мировой войны он служил санитаром в военно-санитарном поезде, который курировала сама императрица, а сёстрами милосердия служили царевны – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия Романовы. И на погонах Сергея сиял золотой вензель АФ – Александра Фёдоровна.

А как любила его преданная ему революционерка в кожаной куртке Галина Бениславская, покончившая с собой на могиле поэта через год после его ухода из жизни!

**Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Нерадостно и нелегко мне
Покинуть тебя привелось...**

Биография Есенина, написанная Прокушевым, избирательно освещала личную жизнь поэта. Всего лишь три женских фигуры возникают в этой работе: Айседора Дункан, Галина Бениславская – вскользь, да последняя жена – Софья Толстая, внучка Льва Толстого.

Больше всего страниц оказалось посвящено знаменитой американской танцовщице Айседоре Дункан, которая годилась ему в матери и невольно нашла в нём своего погибшего белокуро-

го сына Патрика. И Европу, и Америку удалось увидеть Сергею только в статусе её супруга. И хотя он говорил по возвращении в Россию: «Я разлюбил нищую Русь», однако разочарование в буржуазном мире было настолько сильным, что он написал нашумевшую книгу очерков «Железный Миргород».

Это был странный любовный роман у них. Женщина, не знающая русского языка, поэт, не понимающий по-английски и принципиально отказывавшийся от любой речи, кроме русской. Поэт, проливавший слёзы о судьбе жеребёнка, которого перегоняет в пути железный конь: «Милый, милый, смешной дуралей! Ну куда он, куда он гонится? Неужели он не знает, что живых коней победила стальная конница?», и актриса, живущая в этом грохочущем мире урбанистических красот и любившая этот мир. Но её любовь к поэту так и осталась незабытой до её трагического конца, несмотря на их разлуку.

**Пускай ты выпита другим
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость...**

И даже в смерти Айседоры, которую задушил красный шарф такого любимого ею революционного цвета, затянувший её под колесо автомобиля, было столько мистики и символической связи с гибелью Есенина в петле петроградской гостиницы «Англетер». И опять автомобиль виновен в её гибели, как и в гибели её маленьких детей.

Официальный брак с Дункан не был расторгнут, но это не помешало Есенину жениться в последний раз на внучке Льва Толстого Софье Андреевне, посвятившей ему свою жизнь, влюблённой в поэта «без памяти», по её же собственному признанию, и служившей верой и правдой его дару.

**Видно, так заведено навеки –
К тридцати годам перебесясь,
Всё сильнее, прожжённые калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.**

Постепенно из новых источников узнала я о его московской подруге Анне Изрядновой, подарившей ему первого сына Юрия, погибшего молодым в застенках НКВД 37-го года.

**Снимет шубу и шали развяжет,
Примостится со мной у огня...
И спокойно и ласково скажет,
Что ребёнок похож на меня.**

Узнала я и об ослепительной Зинаиде Райх, которая мгновенно бросила жениха поэта Ганина, чтобы выйти замуж за Сергея Есенина и родить ему двоих детей – Татьяну и Константина. А когда они расстались, и Райх стала женой великого режиссёра Всеволода Мейерхольда и актрисой его театра, то оказалось, что она пожизненно приговорена к своей первой великой любви к Есенину.

Сын Зинаиды Райх Константин Есенин – повзрослевший уже после гибели отца – стал известным спортивным статистом. В этой судьбе удивительно воплотились увлечения Есенина спортом – и плаванием, и боксом, и лыжами, и коньками, и верховой ездой. На коне без седла впервые восседал Сергей в три с половиной года.

И ещё я неожиданно узнала о преданности ему журналистки Надежды Вольпин, не надеющейся стать его женой, но родившей ему сына Александра – белокурого, как и сам поэт. Она-то знала, что сын Есенина от Райх был брюнетом в мать, что вызывало недовольство Сергея: «Есенины чёрными не бывают!» Удивительно, но бывшая три года в гражданском браке с Есениным и не имевшая до встречи с ним любимых мужчин, Надежда не дождалась стихов от него. Впрочем, и не выпрашивала, наверное. Поэтесса, знаменитая переводчица, она, как сказала Есенину – отвечала сама за себя, ничего не требуя взамен.

Именно её сын Александр, впоследствии доктор математических наук, в перестроечные годы добился реабилитации своего сводного брата

Юрия, репрессированного в роковом 37-м.

А мать Юрия, Анна Изряднова, которая так и не узнала, что её арестованный сын расстрелян, стала трогательно заботиться о Константине, сыне Есенина от Зинаиды Райх, трагически погибшей от рук сотрудников НКВД после ареста Мейерхольда. Во время Великой Отечественной Анна снаряжала Константина на фронт – и её забота заменила ему родительское тепло. Как же неразрывно связала этих женщин-соперниц великая любовь к поэту! В жизни Есенина были женщины, связанные с ним годами общения, а были и мимолётные увлечения, оставившие след в стихах.

Лидия Кашина, первая любовь Сергея – прообраз героини поэмы «Анна Снегина», владелица усадьбы в Константинове, удостоилась бессмертия в посвящённой ей поэме и прекрасных лирических строк:

**Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.**

А актриса Миклашевская и армянская учительница Шагандухт Тальян – они тоже «прошли как тени» по жизни Есенина, отразившись в гениальных строчках – цикле, посвящённом Августе Миклашевской:

**Заметался пожар голубой,
позабылись родимые дали...
В первый раз я запел про любовь,
в первый раз отрекаюсь скандалить...**

И в таинственно-восточных «Персидских мотивах»:

**Шаганэ ты моя, Шаганэ...
Оттого, что я с севера что ли,
что луна там огромней в сто раз,
как бы ни был красив Шираз –
он не лучше рязанских раздолий...**

136

В чём же был главный секрет столь любвеобильного Есенина? По-моему, он заключался в том, что этот великий лирик был... безлюбый. Как и большинство поэтических гениев! Как Александр Пушкин. Как погибший молодым Михаил Лермонтов. Как Николай Некрасов, Афанасий Фет, Фёдор Тютчев, Александр Блок, Владимир Маяковский, Николай Гумилёв и, наконец, наши современники – Владимир Высоцкий и Евгений Евтушенко. Отсюда и многочисленность женщин, прошедших по их судьбе, но, как известно, «кто горел, того не подождёшь». Потому что Поэзия не терпит соперниц.

Так и Есенин влюблялся, но не любил никого. А его любили все, кроме завистников. Но он любил, как и положено великому поэту, только свою Музу. Навероятен вес его дара, гнёт таланта – нелегко быть под таким бременем. Порою он не справлялся с ним.

**Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну.
Не от этого ль тёмная сила
Приучила меня к вину?..**

* * *

Путь Есенина в великую страну Поэзию был не прост. Рязанский степной мальчик, рано начавший писать стихи, побуждаемый к этому родным русским фольклором, оказался в Москве, учился в народном университете Шанявского, где преподавали такие звёзды, как Тимирязев и Брюсов, работал в типографии. А потом уехал в столицу за славой – Петроград в лице Блока милостиво встретил его, одобрил и ободрил.

А рядом были коллеги, тоже стремившиеся к славе, хотя Есенин был уверен в своей избранности и единственности. Он понял, что в стане поэтов, где стремительно образовывались

бесчисленные поэтические группы, ему тоже не избежать этого водоворота, и, пожалуй, даже неплохо, если он не один, а с ним рядом товарищи. Так он выбирает группу имажинистов за их преданность образу в поэзии – и становится их лидером. Образность была в высшей степени присуща поэзии Есенина и была естественна для его лиры вне зависимости от поэтического направления. Поэтому он легко продолжает писать по-своему.

«Не случайно он сам себя ощущал неотъемлемой частью русской природы – “как дерево роняет тихо листья, так я роняю грустные слова”, а природу ощущал одним из воплощений себя самого, чувствуя себя то заледенелым клёном, то рыжим месяцем», – пишет о Есенине Евгений Евтушенко.

Дружба с поэтами Клюевым, Клычковым, Якуловым, Городецким, Ганиным, Всеволодом Ивановым, Шершеневичем, Грузиновым, Ивневым, Зенкевичем, Мариенгофом, Чагиным и Эрлихом, скульптором Коненковым, артистом Качаловым и издателем Сахаровым на протяжении его короткой жизни озарила тёплым светом существование поэта на родине. Солнце Есенина затмевало окружавших его поэтов, и они бледнели на его фоне – в этом проявлялась их несчастливая поэтическая доля. И ещё звенели вокруг них пули, и разили эти пули... и его, Есенина, в конце концов, не миновал трагический финал! Но в этой творческой компании рядом приютились и политические личности, авантюристы: Каннегисер – поэт, убивший Урицкого, Блюмкин – поэт, расстрелявший настолько многих, что можно выстроить их в безмолвную колонну, Троцкий – лидер революции, жестокий тёмный, временами лицемерно-великодушно распорядившийся отпустить в очередной раз нахулиганившего Есенина на свободу из-под ареста. Но также не однажды и сурово распорядившийся судьбой поэта. Есть предположения, что гибель поэта не случайна, возможно, в этом вина Троцкого тоже проглядывает.

Вечно молодой Есенин казался мне неповторимым и уж, конечно, абсолютно национальным, русским поэтом. Однако и он не только опирался на свой природный яркий дар, но умел слушать и слышать других поэтов – любимых его предшественников. Недаром наш современник поэт Константин Кедров, профессор Литературного института, заметил, как переключаются имена героев романа Пушкина и поэмы Есенина – Онегин и Снегина – включая в своё звучание расшифровку их характеров – люди НЕГИ.

А любимый с юности Лермонтов порой неожиданно встречается в ритме известного стиха Есенина. Михаил Лермонтов писал:

**Тучки небесные, вечные странники!
 Степью лазурною, цепью жемчужною
 Мчитесь вы, будто как я же,
 изгнанники
 С милого севера в сторону южную...**

И вторит поэту юный Сергей Есенин:

**Звёздочки ясные, звёзды высокие!
 Что вы храните в себе,
 что скрываете?
 Звёзды, таящие мысли глубокие,
 Силой какою вы душу пленяете?**

Или один из стихотворений Лермонтова «Наедине с тобою, брат...»:

**Ты Расскажи всю правду ей,
 Пустого сердца не жалея;
 Пускай она поплачет...
 Ей ничего не значит!**

И вдруг Есенин вступает с ним в переключку:

**Не шуми, осина, не пыли, дорога.
 Пусть несётся песня
 к милой до порога.
 Пусть она услышит,
 пусть она поплачет.
 Ей чужая юность ничего не значит.**

О, преемственность поэтов! Цепь поэтического братства. А как был влюблён Лермонтов в Пушкина, когда, сам

о том не догадываясь, целую строфу о смерти Ленского взял у Пушкина из «Евгения Онегина»:

**На грудь кладёт тихонько руку
 И падает. Туманный взор
 Изображает смерть, не муку.
 Так медленно по скату гор,
 На солнце искрами блистая,
 Спадает глыба снеговая...**

И повторил её в «Кавказском пленнике»:

**Мой пленник падает. Не муку,
 Но смерть изображает взор;
 Кладёт на сердце тихо руку...
 Так медленно по скату гор,
 На солнце искрами блистая,
 Спадает глыба снеговая.**

Блок, хоть и был его современником, но ценился Есениным как бесспорный учитель. Именно двухтомник Блока был последней литературой, которую читал Есенин в Петрограде перед смертью. Именно Блок развернул «цветного» Есенина к скупой графике в «Балладе о двадцати шести» и в других поздних поэмах. Это произошло после сильного впечатления, полученного Есениным от блоковской поэмы «Двенадцать».

**Так идут державным шагом –
 Позади – голодный пёс,
 Впереди – с кровавым флагом,
 И за вьюгой невидим,
 И от пули неведим,
 .....
 В белом венчике из роз –
 Впереди – Иисус Христос.**

У Блока невидимый Христос – впереди. У Есенина – всегда рядом. Он – старший брат. Его «незримый» Христос так же невидим.

**Схимник-ветер шагом осторожным
 Мнёт листву по выступам дорожным
 И целует на рябиновом кусту
 Язвы красные незримо Христу.**

Как все поэты стихийного дара, Есенин небрежно относился к своим черновикам, оставляя их у друзей

и знакомых. Пропадут – ещё напишу! Но ему повезло: две женщины служили его творчеству без устали. Это Галина Бениславская, которая, хоть и рассталась с жизнью добровольно, но успела все стихи, рукописи, письма (архив Сергея, часто жившего у неё) собрать и систематизировать, и завещать его друзьям – Качалову, Грузинову, а ещё она оставила свои дневники и «Воспоминания о Сергее Есенине». И вторая его подруга и последняя супруга – Софья Андреевна Толстая, которая не только бережно относилась к его творчеству, собирала его любовно, но даже успела побывать директором его первого музея в 1926 году, вскоре закрытого, впрочем, чтобы возникнуть вновь через много лет.

* * *

Есенин не был одинок. Два гения были рождены в конце XIX века и стали великими в начале двадцатого. Маяковский и Есенин. Конечно, они знали цену друг другу, хоть и ревновали друг друга к славе. Но слава была у обоих – только разная и у разных читателей. Впрочем, кто-то любил и того, и другого. Маяковский – предан городу, машинам, техническим совершенствам. Есенин – влюблён в деревню, в деревья, в поля и луга, в реки, закаты и небо...

Оба хороши. Один высок. Черноволос. Подобен ожившей скульптуре – похож на себя, стоящего на Триумфальной площади (скульптор А. Кибальников). Воплощение футуризма – поэзии будущего, как ему мечталось.

Другой – синеглазый, золотоволосый. с лёгкой танцующей походкой. Кто-то называл его Лелем. Одним словом, вышел из русской сказки.

Но есть и сходство у этих двух поэтов. Они спортивные, даже в чём-то перекрещиваются их увлечения – оба, например, занимаются боксом. Маяковский – успешный биллиардист. Есенин тоже пробует, но у него не получилось, и он бросил это занятие. Фанаты есть

у обоих. Когда они выступают вместе на концертах, ирония Маяковского, его мгновенно вспыхивающее остроумие – в карман за словом не лез – вызывало зрительский восторг. Но когда Есенин, в свою очередь, читал стихи – а чтец он был потрясающий, под стать громоподобному Маяковскому – подчиняя всех своему огненному темпераменту, у него был не просто успех – зал скандировал наизусть его самые любимые стихи.

Есенин и Маяковский – главные поэтические соперники в пёстрой толпе всяких литературных течений, всех этих символистов, акмеистов, футуристов, имажинистов. Оба считали себя великими – и были ими! Как они высмеивали друг друга в стихах!

**Ну Есенин,
мужиковствующих свора.
Смех!
Коровою в перчатках лаечных.
Раз слушаешь...
но это ведь из хора!
Балалаечник!**

Здесь Маяковский высмеивал деревенского поэта за его любовь к цилиндрам, крылаткам, лайковым перчаткам. «Пришедший из рязанского села в петроградские литературные салоны, Есенин в салонного поэта не превратился, и цилиндром, снятым с золотой головы после ночной пирушки, как будто ловил невидимых кузнечиков с полей своего крестьянского детства. Страшась исчезновения милого его сердцу патриархального уклада, он называл себя “последним поэтом деревни”», – писал о Сергее Есенине Евг. Евтушенко.

А неуёмный Маяковский прокатился не только по его цилиндру, но и по его музыкальным пристрастиям. Да, Есенин играл на баяне, тальянке, балалайке, гитаре... Поэтому так мелодично звучали его стихи, так легко они ложились на музыку. Первые романсы и песни на свои стихи Есенин сочинял сам, пел сам, а потом появились и песни композиторов – Пономаренко, Френкеля, Липатова, Монгола Шуудана, Магомаева. Самый известный в наше

гремит над умолкшим и втянувшим голову в плечи Павловым.

**Поэты русские,
друг друга мы браним –
Парнас российский дрязгами засеян.
но все мы чем-то связаны одним:
любой из нас хоть чуточку Есенин.**

.....
**Когда румяный комсомольский вождь
На нас,
поэтов,
кулаком грохочет
и хочет наши души мять, как воск,
и вылепить своё подобье хочет,
его слова, Есенин, не страшны,
но трудно быть от этого весёлым,
и мне не хочется,
поверь,
задрав штаны,
бежать вослед за этим комсомолом...**

«Мы не можем доверять ответственный пост человеку, который не в ладах с нашей интеллигенцией, человеку, на лице которого горит несмываемая пощёчина Евтушенко», – так прозвучал приговор С. Павлову из уст Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. И карьера Павлова была разрушена. Места в ЦК партии ему было не видать! Но он, оказавшийся не слишком злопамятным, через несколько лет принимал Евтушенко в Бирме в своей вотчине – в Посольстве, куда он был отправлен в «почётную ссылку», принимал вполне гостеприимно, за дружеским столом.

Кстати, никто из радиослушателей, которые сидели у репродукторов и громкоговорителей, у радиоприёмников, боясь пропустить хоть слово с этого долгожданного праздника, конечно, не услышали Евтушенко. Его выступление из передачи, вовремя спохватившись, цензура вымарала.

Мне было 17 лет. Ещё до этого октябрьского юбилейного дня я отвечала в письме своему другу на вопрос, кто из поэтов больше всего повлиял на меня в моих стихах: «Я евтушененькая с есенинкой».

«Самый русский поэт», – пишет про него Евтушенко. Конечно, с этим утверждением трудно спорить. Однако некоторые исследователи уверяют, что фамилия Есенин – тюркская. Есенин любил дарить жёнам татарские сапоги ичиги. Да и был он родом из мест со смешанным русско-татарским населением – из села Константиново под Рязанью. Но его великая поэзия изъяснялась только по-русски. Причём его стихи, вследствие их сложной образности, труднопереводимы. Представьте себе, как можно перевести, к примеру, такие строки:

**Изба-старуха челюстью порога
Жуёт пахучий мякиш тишины...**

Одним словом, не будем спорить. У меня есть стихи о российских поэтах, где я пишу о том, как в жилах каждого из них течёт кровь, пришедшая в Россию и смешанная с русской. Это и украинская в Маяковском, шотландская и татарская в Лермонтове, татарская в Ахматовой, польская в Цветаевой, еврейская в Пастернаке, немецкая в Блоке, а в Пушкине, который стал отцом нашей российской поэзии – африканская и не только. Но то, что его прадед Ибрагим Ганнибал – эфиоп, знают все. А вот о Есенине я пишу:

**...А меня Есенин – русский брат –
за руку ведёт в цветущий сад,
весь облитый золотом рассвета,
где в извечных поисках любви
до изнеможенья соловьи
прославляют звание Поэта!**

* * *

В Древней Греции красоту ценили выше таланта. А Есенин не только огромный поэт, он ещё и красив на все времена! Замечательная поэтесса, родом из Казани, Елена Кацюба сказала о таких, как Есенин: «Красивые всегда правы!»

Москва